

Секция 2
**ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА,
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

А. В. Антошин

Уральский федеральный университет

**Китай и Япония в уральской периодической печати
периода Гражданской войны**

Газеты периода Гражданской войны... Это, пожалуй, один из самых интересных источников по истории эпохи великих потрясений в России. Немногие библиотеки России имеют сколько-нибудь полные комплекты этих газет (лучшими собраниями, как нам представляется, располагают Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге, московские Государственная публичная историческая библиотека и Российская государственная библиотека). В большинстве случаев исследователи работают не с подшивками, а с собраниями разрозненных номеров множества разных газет. Отпечатанные чаще всего на плохой бумаге, нередко состоявшие всего лишь из двух полос, эти газеты сами по себе являются ярким свидетельством мозаичности картины российской жизни тех лет, той калейдоскопичности, с которой менялись правители и политические режимы в городах и весях России в 1917–1921 гг.

Было ли авторам и читателям этих газет дело до событий, которые происходили в далеких от них странах Востока? Известный уральский историк И. В. Нарский в своей новаторской книге «Жизнь в катастрофе» прекрасно показал, чем были заполнены будни уральцев в те годы. Нехватка хлеба и элементарных предметов первой

необходимости, страх перед проводимыми красными и белыми реквизициями и мобилизациями, антисанитария, эпидемии... И тем не менее, на страницах уральской прессы можно было встретить упоминания о событиях в Китае и Японии. Нередко они действительно были важны для авторов соответствующих публикаций, несли в себе определенный политический смысл.

Для красных Китай был одной из стран, где, как казалось, развивалась мировая революция. На страницах большевистской прессы периода Гражданской войны была даже специальная рубрика — «Революционное движение за границей». В одном ряду с информацией о восстаниях рабочего класса в Баварии и Венгрии, выступлениях феллахов в Египте и забастовках горняков Трансвааля шли репортажи о событиях в Китае. Проблема, конечно, состояла в том, что события эти были сами по себе настолько сложными по характеру, представляли собой настолько причудливую комбинацию взаимодействия разных политических сил, что, очевидно, в сознании простого уральского читателя не возникало целостной картины того, что происходило в далекой восточной стране. В отличие от тех же событий в Баварии или, например, Республике Риф в Марокко здесь было иногда трудно понять, кто же, собственно говоря, находится по «нашу» сторону баррикад? Какие силы осуществляют в Китае мировую революцию, а какие находятся на стороне империалистической реакции?

При этом следует учитывать, что интерес к событиям в Китае проявляли отнюдь не только большевики. Сама русская революция была очень сложным явлением, и революционная стихия отнюдь не вписывалась в жесткие рамки большевистской идеологии. Идея мировой революции была весьма популярна среди союзников большевиков — левых эсеров. В июле 1918 г. орган их Уральского обкома газета «Наш путь» сообщала: «За последние месяцы в южном Китае заметно усилилось социалистическое движение». В этом, подчеркивали левые эсеры, «усматривают несомненное влияние русской революции»¹.

События на юге Китая, конечно, и позже привлекали внимание большевистской прессы. При этом чаще всего делалась попытка уложить их в ту схему, в рамках которой пытались рассматривать

¹ Наш путь. Екатеринбург. 1918. 3 июля.

большевистскую революцию в России. Так, например, подчеркивался пролетарский характер китайского революционного движения. Летом 1920 г. издававшаяся в небольшом уездном городке Орлове Вятской губернии «Крестьянская правда» — орган уездного комитета РКП (б) и уездного исполкома Совета крестьянских депутатов — с удовлетворением писала о «выступлении рабочих» на юге Китая: «Введено военное положение... Бои продолжаются»². Естественно, что тут же оказывалось: китайское правительство, как и все реакционные правительства мира в таких случаях, проводило «тайные совещания» и собиралось вести переговоры с Японией для того, чтобы подавить революционное движение на юге Китая.

Однако, как уже отмечалось, китайская революция оказалась настолько сложным явлением, что часто даже при очень большом желании (которое у большевиков и их союзников, конечно, обычно присутствовало) найти причинно-следственные связи с событиями в далекой России не получалось. И, тем не менее, практически любое восстание пытались вписать в общую картину мирового революционного процесса. Как проявление революционного движения оценивались, например, выступления жителей Тибета. В августе 1918 г. «Бюллетень Пермского губернского военно-революционного комитета» сообщал о том, что тибетцы взяли в плен около 700 китайцев. «Восстание тибетцев, — отмечала большевистская газета, — хорошо организовано, и китайцы бессильны подавить его. Попытки английского консула разрешить конфликт мирным путем остались без успеха»³. Любопытно, что данная информация была основана на сообщении «Таймс»: в первые годы Советской власти практически прямое цитирование этой газеты в большевистской прессе было еще возможно.

А что же деятели Белого движения? Заметно, что их пресса не была склонна столь механически, как большевистские газеты, рассматривать события в Китае по лекалам русской революции. И, тем не менее, и белые публицисты предполагали, что, очевидно, в Китае также идет смертельный бой между силами законности и порядка, с одной стороны, и темной стихией бунта, с другой. Не случайно

² Крестьянская правда. Орлов, 1920. 1 июля.

³ Бюллетень Пермского губернского военно-революционного комитета. 1918. 16 авг.

неофициальный орган Курганского комитета кадетской партии газета «Курганская свободная мысль» в декабре 1918 г. приветствовала попытки китайских властей уничтожить все запасы опиума в Шанхае⁴, поскольку наркотики были фактором, серьезно дестабилизировавшим ситуацию в стране. Впрочем, кадеты Кургана понимали, что этот шаг вызовет недовольство многих сановников, которые лично были связаны с торговлей опиумом.

Вместе с тем, «Курганская свободная мысль» уделяла большое внимание роли Японии в событиях Китайской революции. При этом она широко использовала материалы японской прессы (в частности, известной газеты «Асахи симбун»), на страницах которой вполне откровенно заявлялось: Китай существует ныне только потому, что его поддерживает Япония. Столь же откровенно японские журналисты писали и о территориальных притязаниях своей страны, предупреждая, например, что «Шаньдун может сделаться второй Маньчжурией». Впрочем, отмечала газета либералов Кургана, некоторые японские СМИ осуждали то покровительство, которое оказывала их страна северным милитаристам в Китае, прямо отмечая, что подобная политика «дает иностранным нациям повод считать Японию колыбелью китайских интриг»⁵. Таким образом, в прессе белого движения подчеркивался тот факт, что китайская революция была весьма сложным явлением, которое стало результатом действий самых разнообразных сил как внутри страны, так и вне ее.

Тем не менее, бесспорно, что уральские антибольшевики сочувствовали всем попыткам установления стабильности и порядка в Китае. Совершенно иначе, чем большевистская пресса, они поэтому оценивали и события в Тибете. Весной 1919 г. «Курганская свободная мысль» с одобрением сообщала о победах китайских войск на китайско-тибетской границе, а также о направлении правительством Китая кавалерийских и пехотных отрядов для подавления движения в Монголии⁶.

Впрочем, как известно, лагерь белого движения никогда не был абсолютно единым. Весной-летом 1919 г. в условиях наступления

⁴ См.: Курганская свободная мысль. 1918. 18 дек.

⁵ Там же.

⁶ См.: Курганская свободная мысль. 1919. 11 апр.

красных в колчаковском тылу активизировалась социалистическая интеллигенция, все сильнее критиковавшая режим Верховного правителя. Эсеры и меньшевики, действовавшие в земствах, все более задумывались о возможности компромисса с большевиками для установления в стране гражданского мира. Сквозь призму этих идей они освещали и события в Китае. Характерно, что в июне 1919 г. на страницах «Зари народоправства» — органа Камышловского уездного земства (сотрудником именно этой газеты был знаменитый уральский писатель П. П. Бажов, тяготевший к эсерам) появилась информация о том, что китайское правительство выяснило настроения армии относительно войны на юге. «Полученные ответы свидетельствуют, — заявляла газета, — что никто из офицеров и солдат не желает продолжать междоусобную войну. Военная партия находится в нерешительности»⁷. Многие уставшие от колчаковского режима уральские интеллигенты, умевшие читать между строк, сразу же видели в этой информации явный намек на то, что и в России необходимо прекращать братоубийственную гражданскую войну.

Однако вскоре Красная армия, отнюдь не склонная к реализации мечты социалистической интеллигенции о гражданском мире, захватила Урал и ликвидировала все небольшевистские печатные издания. С осени 1919 г. содержание уральских газет определялось жесткими идеологическими установками РКП(б). Интерес к событиям на Дальнем Востоке в этот период был связан прежде всего с активностью в этом регионе Японии. К тому времени большевистская пресса уже несколько лет писала об агрессивных намерениях японских империалистов, публикуя статьи под заголовками типа: «Япония — опора русской контрреволюции»⁸. На заключительном этапе Гражданской войны в России тон большевистских высказываний практически не изменился. Характерно, что в 1920 г. в праздничной статье, посвященной Первомаю, редактор уже упоминавшейся «Крестьянской правды», издававшейся в вятском городке Орлове, местный коммунист В. П. Градобоев, призывая пролетариат к бдительности, заявлял:

⁷ Заря народоправства. Камышлов, 1919. 23 июня.

⁸ См.: Крестьянин и рабочий. Шадринск, 1918. 14 апр.

«Враги не спят... Япония обстреливает и грабит прибрежные города Дальнего Востока»⁹.

Таким образом, для уральской прессы события в Китае и Японии во многом являлись своеобразным зеркалом, в котором зачастую пытались увидеть отголоски русской революции. Нередко такие параллели были не всегда корректны, поскольку цивилизационная основа, на которой разворачивалась драма китайской революции, бесспорно, была принципиально иной. Однако находившимся в провинциальных Шадринске и Орлове, Камышлове и Кургане большевикам и их политическим противникам нередко начинало казаться, что действительно по всему миру своей тяжелой поступью шагает та самая Великая революция, в катастрофе которой они жили уже несколько лет.

Р. Т. Ганиев

Уральский федеральный университет

Торгово-экономические отношения восточных тюрков с Китаем (VI–VIII вв.)

Основы торговой политики каганата сформировались еще в эпоху Тюркского каганата (545–581 гг.). Главным объектом ориентации была Срединная империя, а также ряд государств Центральной Азии. Конечными пунктами торговых операций на Западе являлись Византия и Сасанидский Иран.

Основными товарами, которые тюрки могли выставить на продажу или обмен, были продукты кочевого скотоводства: лошади, овцы и т. п. На втором месте, как следует из источников, были изделия из черных и цветных металлов. Алтай и Тува, которые входили в состав каганата в период его наивысшего могущества, издавна славились богатыми залежами полезных ископаемых. Кроме товаров, Восточно-Тюркский каганат мог оказывать также и услуги, связанные с охраной пограничных территорий, а также всех внешних торговых операций на территории Центральной Азии.

⁹ Градобоев В. П. Пролетариат, стройся в ряды! // Крестьянская правда. 1920. 1 мая.